

Андрей **СОРОКИН**,
кандидат исторических наук,
директор РГАСПИ, ведущий рубрики

«СТАРЫЙ ТИРАН» И «ПУТЬ ТЕРРОРА»

«...1 марта 1881 года народникам удалось брошенной бомбой убить царя Александра II», — так зафиксировали одно из узловых событий отечественной исторического процесса сразу два учебника истории, надолго определившие подходы к освещению исторических событий в советской историографии. Один, «История СССР. Краткий курс. Учебник для 3-го и 4-го классов» (под редакцией А. В. Шестакова), был подготовлен к выходу в свет в 1937 году, победив в конкурсе на лучший учебник по истории СССР, объявленный ЦК ВКП(б) совместно с Совнаркомом в январе 1936-го, и будучи отредактирован непосредственно Сталиным. В той же формулировке эта сентенция повторена в другом кратком курсе — «Истории Всесоюзной коммунистической партии (большевиков)», увидевшем свет на год позднее и ставшем, по утверждению Леонида Ильича Брежнева, «настоящей книгой не только каждого коммуниста, но и каждого трудящегося в нашей стране». Вслед за этой фразой «инициатор и главный создатель «Краткого курса истории ВКП(б) — классического произведения марксизма-ленинизма» (так определил роль Сталина академик Отто Юльевич Шмидт) собственной рукой вписал в школьный учебник фразу: «Но ничего из этого не вышло. Вместо убитого царя или министра появлялся другой, ещё более лютый» (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1584. Л. 65 об.). Дальше следовала фраза, принадлежащая авторам учебника: «Царём стал сын Александра II — Александр III, при котором рабочим и крестьянам стало жить ещё хуже». Концовка этой фразы была заимствована и использована затем и в «Кратком курсе истории ВКП(б)».

Так своеобразно было определено место Царя-Освободителя в иерархии российских монархов сталинской историографией.

Взгляды современников и историков на личность и реформы царя-освободителя, как известно, разнятся. Быть может, самую крайнюю точку зрения представляет Вера Ивановна Засулич в публикуемом ниже тексте хранящегося в РГАСПИ документа: «Срамной старик, дрожащий от страха и злости». Есть там и другие, аналогичные или даже более оскорбительные метафоры,

Покушение на жизнь императора Александра II. Взрыв второго снаряда. 1 марта 1881 года.

рядом с которыми страницы двух упомянутых выше сталинских учебников могут показаться верхом объективности.

Главный вопрос жизни Засулич, и, несомненно, один из главнейших вопросов всего пореформенного пятидесятилетия России, завершившегося кардинальными потрясениями 1917 года, это, пожалуй, вопрос о революционном терроре. Убийство Александра II стало одним из его пиков, отразив нарастание общественного недовольства развитием страны. Статья Засулич наилучшим образом характеризует накал страстей, уровень конфронтации в обществе, как, разумеется, и личность самой Веры Ивановны (в этот период её жизни). Нелишним будет напомнить и хорошо известный факт, что сама Засулич, арестованная за покушение на петербургского градоначальника генерала Трепова, была оправдана судом присяжных, легитимизировавшим таким образом революционный терроризм в глазах значительной части российского общества как почти нормальную форму общественного протеста. Впоследствии Засулич, как и ещё один из руководителей «Народной воли» Лев Тихомиров, осудила террор. Но запущенный народовольцами маховик террора, как мы знаем, не сбавил оборотов. Притормозив на полтора десятка лет ввиду разгрома основных центров революционного движения, последовавшего после неудачного покушения на Александра III («Повторная ошибка принесла тот же вред» — внесёт редакционную правку Сталин в учебник Шестакова), своего нового пика он достиг в относительно благополучные годы предвоенного промышленного подъёма, в первом десятилетии XX века. С января 1908 по середину мая 1910 года в стране произошло 19 957 террористических актов и экспроприаций.

Именно сталинская историография кардинально пересмотрела отношение к революционному террору и к его идеологам и зачинателям — народовольцам. «Избранный народниками путь борьбы с царизмом посредством отдельных убийств («путь террора» — впишет Сталин своей рукой поправку в учебник Шестакова. — А. С.), посредством индивидуального террора был ошибочным и вредным для революции» — так зафиксировали оба учебника отношение сталинской элиты к революционному террору народовольцев. Нельзя при этом не отметить, что ни в том, ни другом мы ни слова не найдём о новом — ещё более мощном — витке революционного насилия в начале XX века, к развязыванию которого многие из членов большевистского руководства, включая самого Сталина, имели самое непосредственное отношение.

Публикуемый документ хранится в личном фонде В. И. Засулич (Ф. 262), который хранится в РГАСПИ вместе с личными фондами Г. В. Плеханова, П. Б. Аксельрода, А. Н. Потресова, Н. Ф. Даниельсона и других политических и общественных деятелей этого периода. В фонде (который, к сожалению, не имеет целостного характера) имеется ряд её неопубликованных статей, письма 1883–1896 годов Ф. Энгельсу о политическом положении в России и русском революционном движении и о переводах трудов Маркса и Энгельса на русский язык, письма к В. И. Ленину, Плеханову, Потресову, Л. Г. Дейчу, С. М. Степняку-Кравчинскому, Ю. О. Мартову и другим корреспондентам, в которых содержится ценная информация о литературной деятельности группы «Освобождение труда», о легальных либеральных журналах в России, о деятельности народо-вольцев и множестве других вопросов.

«СРАМНОЙ СТАРИК, ДРОЖАЩИЙ ОТ СТРАХА И ЗЛОСТИ В ЗИМНЕМ ДВОРЦЕ...»

Вера Засулич о 25-летию восшествия на престол императора Александра II)

Вера Ивановна Засулич (1849–1919) относится к тем общественным деятелям, чьё имя не нуждается в представлении. Совершив в 1878 году покушение на генерала Трепова, она вошла в историю как одна из самых известных террористок мира.

И вся последующая деятельность Засулич по осуждению терроризма как метода революционного преобразования страны так и не смогла изменить устоявшегося впечатления о ней, как о стороннице революционного насилия. Сама Вера Ивановна прекрасно это осознавала. По свидетельству врача В. О. Левицкого, хорошо знавшего Засулич в последние годы её жизни, выстрел в Трепова «всегда был большим местом в душе Веры Ивановны... Она никогда не могла отрешиться от своей ответственности за переход революционной партии к террористическим методам борьбы, которые она считала вредными и пагубными для революционного и социалистического движения»¹.

Невольно задаёшься вопросом о том, какова была внутренняя эволюция взглядов этой энергичной женщины, как и когда она отошла от тактики террора. Но при всём желании мы не найдем детальных описаний этого: Вера Ивановна не оставила страных записок о своей жизни². Причиной этого, вероятно, была её замкнутость. Михаил Фроленко, соратник Засулич, вспоминал: «Это был человек, живущий больше своей внутренней жизнью и не особенно охотно пускающий чужого заглядывать в её святая-святых»³. В итоге единственным источником ответов на поставленные вопросы для нас остаются сочинения Засулич.

Публикуемая ниже статья посвящена личности Александра II. Она была написана Верой Ивановной в эмиграции в 1880 году, к 25-летию царствования и всего за год до убийства императора, и, вероятно, предназначалась для публикации в журнале «Чёрный передел» одноимённого нелегального общества⁴. К этому времени Засулич, как и остальные чёрнопередельцы, решительно осудила выдвижение народолюбцами террора на первый план, но разрыв со сторонниками насильственных методов на тот момент трудно было назвать окончательным. Если она и отказалась от призыва «Ecrasez l'infame!»⁵ по адресу Александра II, то не смогла отказаться от надежды на то, что юбилейные

фейерверки в честь императора послужат знаменем взрыва империи. Все причины неудачного политического реформирования России Засулич целиком перекладывает на плечи Александра II, причём делается это эмоционально, хлётко, ядовито, но вполне в духе времени. Император, если смотреть на него глазами революционерки, буквально воплотил в себе всё зло российской действительности. Читая насыщенный политическим гневом обвинительный приговор в адрес царя, создается впечатление что ненависть к нему со стороны Засулич и близких ей кругов российской общественности достигла своей кульминации. Удивительнее всего здесь то, что подобное отношение к власти было характерно не только для радикалов, но и для той части общества, которая выступала за мирное, постепенное развитие России и была испугана драматическими событиями революционного движения. Попытки правительства компромиссными путями вывести страну к экономическому, общественному подъёму привели к полному, бесповоротному разочарованию широких социальных кругов. Только убийство императора и последовавшее за ним моральное опустошение радикально настроенных представителей общества, а также оценка действий нового самодержца помогли Засулич отойти от крайней субъективности в оценке личности Александра II и осознать, что посягательство на жизнь человека, даже если этот человек — глава огромного

государства, не может повернуть машину истории в желаемом направлении. Вера Ивановна пришла к выводу о том, что «покушения на властителей не «обуздывают» самодержавие; люди, которые служат делу революции, не могут «защищать» [народ]; одним словом, подобные покушения не мешают самодержавию в борьбе против внутреннего врага. Напротив, они служат лишь одному — ускорению естественного отбора среди орудий самодержавия»⁶.

Дальнейшая политическая жизнь Засулич была тесно связана с группой «Освобождение труда», куда она вошла в 1883 году. Будучи сторонницей марксистских взглядов, она утверждала в одной из своих статей: «Задача героев состоит сегодня не в том, чтобы «мстить» за массы или «защищать» их, а в том, чтобы вдохновить их и вести за собой; нужно действовать не для масс, а в массах»⁷. Целью работы в массах Вера Ивановна считала выработку инициативы самого народа, а не узкой группы революционеров, в борьбе с самодержавием, борьбе не насильственной, а правовой. Освобождение народа должно было стать делом самого народа. Именно поэтому Засулич не примирилась ни с пораженческой позицией большевиков в годы Первой мировой войны, ни с захватом ими власти в октябре 1917-го.

Вера Ивановна Засулич умерла 8 мая 1919 года в Петрограде от воспаления легких. Александр Николаевич Потресов, соратник Засулич и свидетель её последних дней жизни, впоследствии признавался, что «она умирала в ужасном состоянии, проклиная всю свою революционную деятельность»⁸. И стоит согласиться с исследовательницей её жизненного пути Т. А. Богдановой: «Трудно назвать другую личность, которая бы так глубоко и искренно, как Засулич, воплотила в себе «победы» и поражения, тупики и противоречия русской интеллигенции, вступившей на путь революционного преобразования России»⁹.

Публикуемая статья об Александре II хранится в РГАСПИ, в именном фонде Засулич (Ф. 262). Документ воспроизводится по современным правилам правописания, с сохранением стилистических особенностей источника, выявленные опечатки исправлены и не оговариваются.

Публикацию подготовила ведущий специалист РГАСПИ Елена Суббота

ПО ПОВОДУ ЮБИЛЕЯ АЛЕКСАНДРА II

1880 г. Женева (Швейцария)

Срамной старик, дрожащий от страха и злости в Зимнем Дворце, празднует 25-летие своего неистовствования. Он приглашает верноподданных радоваться, что мучительство его продолжается уже целую четверть века, что уже третье поколение истребляется во имя его, что немногие уцелевшие жертвы первых лет его тирании выйдут из Сибири, как декабристы, семидесятилетними стариками, успев встретиться там со своими внуками. Наивный Молох¹⁰ облизывает окровавленное рыло и отдувается, говоря нам: «Да, вот уже четверть века грызу вас и, пожалуй, ещё столько же прогрызу». В первые годы его царствования все с ужасом вспоминали о бесконечной 30-летней ночи, которую пережили при Николае, никак не воображая, что вступают в другую такую же ужасную бесконечность.

В азиатских монархиях, как наша, верноподданные имеют только одну светлую минуту в 30 лет, счётом три в столетие: это минута смерти старого тирана. В 30 лет против него скопится такое море ненависти, персону его так омерзит, что смерть его сама по себе причиняет довольно глупую, но невольную отраду. Это та отрада, которую чувствует несчастный больной, когда его перевернут на другой бок, хотя знает по опыту, что через 5 минут новое положение окажется столь же невыносимо мучительным, как было старое; это то удовольствие, которое испытывает арестант какой-нибудь Бастилии, когда его переведут из одного каземата в другой, хотя бы ещё более сырой и тесный.

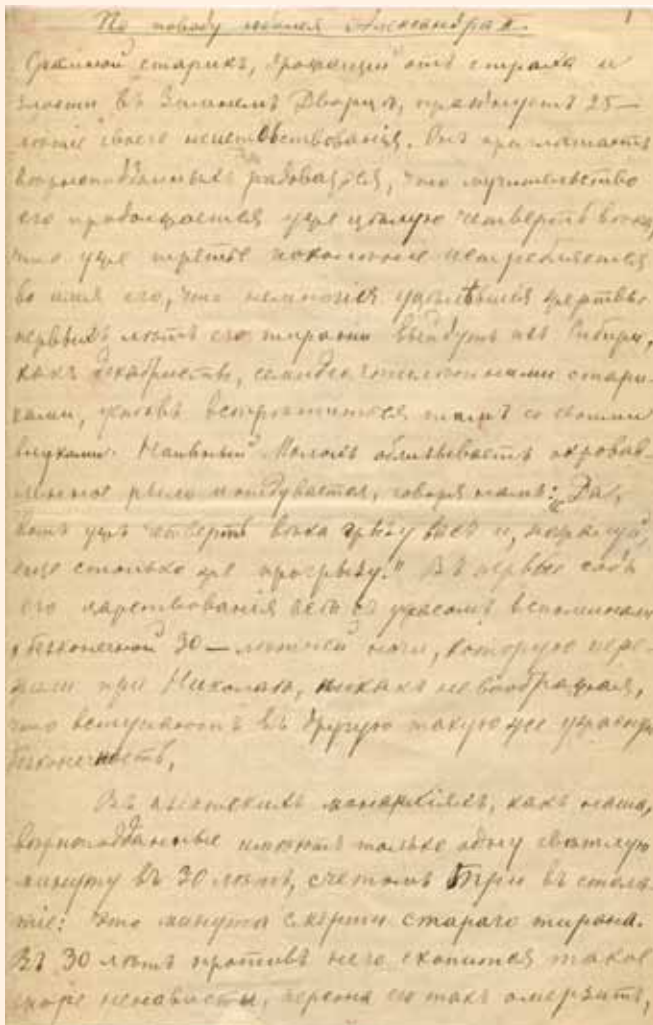
Тридцать лет перед трепещущими россиянами носилась с гоготанием и выпучиванием глаз жеребья фигура Николая Павловича, обескураживая всякие надежды своим чугунным видом, и, казалось, конца не предвидится этому мозолящему глаза скаканию. Поэтому простителен был глупый восторг при неожиданном известии, что фигура навсегда убрана в Петропавловскую крепость¹¹. Все так ошалели, что утратили всякое понимание самых простых вещей; все как будто подумали, что теперь императоры будут умирать каждый месяц и что 30-летнего измора уже никогда не повторится. Мы помним, что на первых порах новая личность Александра II вовсе не возбуждала того отвращения, той тошноты, с которой теперь соединяется у каждого мало-мальски брезгливого человека представление об этом гнусном старце. Пьяненький и плаксивенький, он казался больше комичным, чем отвратительным или ужасным. Недоразумение началось с первого дня и продолжалось несколько лет. Он лепетал в своих манифестах вещи, которые считал для нас весьма утешительными и которыми мы действительно утешались, хотя если в них и был какой смысл, то только самый для нас печальный. Напр[имер] он обязывался следовать по стопам своей прабабки и Александра I¹². Нельзя было откровеннее посулить нам новых Шешковских¹³ и Аракчеевых, Муравьевых и Шуваловых; но мы приняли это за манну небесную, не сообразив даже такой простой вещи, что его прабабка ушла 100 лет тому назад и что если даже стопы её могли приходиться по тогдашнему времени, то на всё своё время.

Всякий мыслящий народ счёл бы дерзкой угрозой такую перспективу, но мы не только не поняли этого, но и сам наш владыка никак не думал, что этими словами обещает нам скорпионов. Воспитанный на Карамзине и Жуковском, он о своей прабабке твёрдо знал, что у неё были «орлы», а об Александре I — что он был «ангел», и ничего лучшего не мог придумать и обещать.

Глупость нашего общества была так велика, что когда он принялся за свои так называемые «благие начинания», оно лучшими силами своими приняло участие в этой собачьей комедии. Когда он затеял «улучшение быта крестьян», самые честные и умные представители этого общества не сообразили, что с его стороны это просто самодурный каприз, вроде благих начинаний его прабабки с «Наказом» и Александра I с его проектами конституции. Они отнеслись серьёзно к этим надувательским операциям и с добросовестностью, достойной лучшего дела, преподавали советы, полемизировали с Викторами Паниными и следовали за тем знаменем, которое «высоко держал» Иуда Искариотский, Яков Ростовцев. Судьба, любящая иронизировать, дала им торжество: знамя Якова Ростовцева одержало победу над стягом Виктора Панина и освобождение крестьян с землёю состоялось так, что результатом его явились голода Самарский, Вятский и другие, украшающие собою летописи этого царствования.

Многие из людей, преломлявших копы на арене, открытой «благими начинаниями», не увидели уже развязки турнира, а только услышали о ней в глубине сибирских рудников. Это был цвет тогдашнего общества, люди, которые хотя и увлекались, но не настолько, чтобы полагаться исключительно на прогресс «под эгидой самодержавия», и хотели поэтому действовать и по собственной инициативе. На них первых наш монарх, слышавший тогда специально под именем «благодушного», показал, что, если у него нет орлов, как у прабабки, то с Шешковскими твёрдо. Но не только этот первый опыт, а и бесчеловечное истребление целого народа польского¹⁴ прошёл для нас без всякого поучения. В самый разгар польского вешания мы, умные люди, занялись дарвиновской теорией, написали на своём знамени «реализм» и по уши погрязли в споре о происхождении человека от обезьяны. Выбрали время, нечего сказать!

Оглядываясь с ужасом назад на это время повальной глупости, спрашиваешь себя, чем объяснить её? Дон Кихот сражался с ветряными мельницами по крайней мере на досуге, когда у него не было действительных врагов. Мы же распинались, готовы были лечь костями, терпеть всевозможные преследования за материализм, реализм, дарвинизм в то самое время, когда рядом шла муравьёвщина, да и у нас самих свирепствовали держиморды. Нельзя объяснять это недостатком мужества, потому что, положив руку на сердце, мы можем поклясться, что ничто не остановило бы нас свидетельствовать во славу Дарвина. Почему же мы искали полдня в 14 часов? Ничем иным объяснить этого нельзя, как тем, что мы были младшими братьями людей 40-х годов, Рудиных¹⁵ и прочих гегели-

анцев; что мы были заодно с ними лишены 30-летней ночью николаевского царствования способности человеческих чувств; что у нас, как и у них, рефлексия заменила кровь, плоть, человеческое достоинство, мужескую честь. Мы, как и они, выросли и воспитались в безвоздушном пространстве николаевской эпохи, в её невозмутимой полярной тишине. Наш ум действовал, но не рефлексировали наши члены. Мы были как паралитики и калеки, у которых жива одна голова.

И вдруг электрический ток прошел в этом полумёртвом обществе. Грянула седьмая труба, отвлёкшая праздный люд от праздных споров и интересов и устремившая их на одно настоящее, насущное дело. Никому не известный, ничем не отличавшийся от толпы, скромный, задумчивый юноша вдруг выделился из массы¹⁶ нигилистов, школьных и земских деятелей и, новый Гармодий¹⁷, заклеил тирана пулей среди белого дня.

О, Каракозов! Если когда-нибудь русский народ достигнет человеческого существования, если свобода и народоправство на русской почве не убиты навеки в тот день, когда вечевой колокол пал в Великом Новгороде, тебе, тебе первому воздвигнется памятник на форуме нового веча!

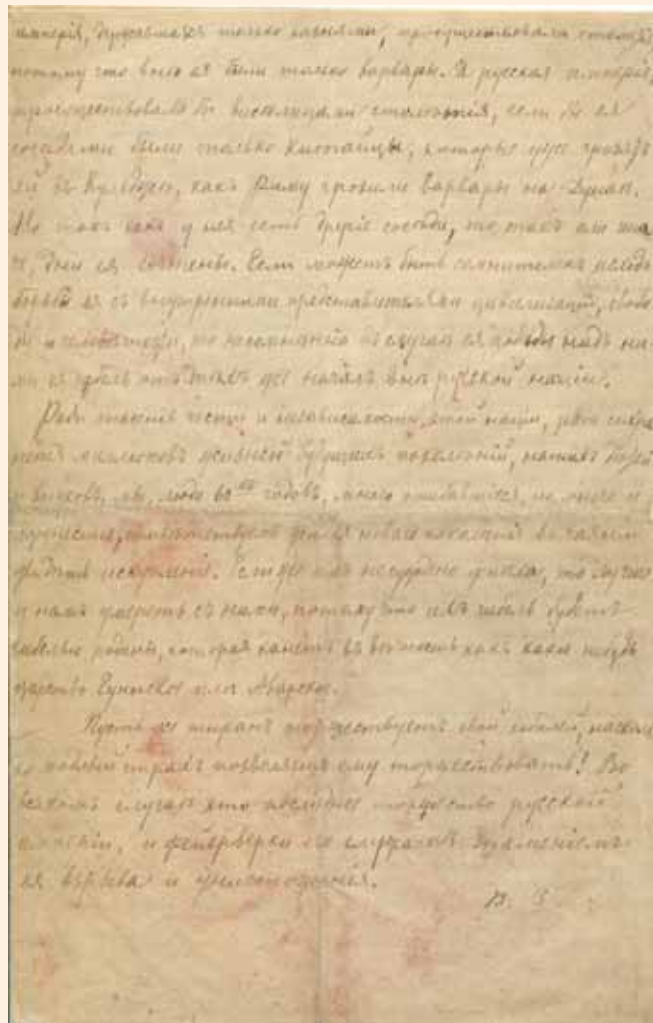
Твой выстрел пробудил наше общество из оцепенения, послужил ему ракетой, осветившей ему те дебри, в которые оно затесалось, и помогшей ему выбраться на верный путь. С другой стороны, как кинжал Гармодия, не попав в

сердце тирана, он попал ему в мозг, заставил его окончательно сбросить личину благодушия и благих начинаний, показаться перед всем тем, что он есть: страшилищем без искры человеческого чувства, Молохом с кровавой пастью, готовым брать ванны из детской крови, чтобы поддержать угасшие в разврате силы, как Людовик XV, и наполнять озёра кровью рабов, чтобы разгуливать по ним в своём самодержавии, как царь Дагомейский¹⁸.

По этому сигналу началась другая, новая борьба, в которой выступили силы нового поколения, выросшего и воспитавшегося не в мертвечине николаевщины, а под песни умирающей Польши, под барабаны виселиц Муравьёва, под раскаты залпов крестьянских усмирений.

4 апреля 1866 — самый знаменательный день во весь этот 25-летний период. Хотя на первых порах выстрел Каракозова не нашёл отклика, но, по крайней мере, заставил одних прекратить балаганную комедию реформ, а других — покинуть философские сферы, объявленные на осадном положении, и обратиться к насущному делу.

Многие из нашего поколения, из того поколения, которое приветствовало юношами прекращение николаевщины, не были способны к этому переходу. Одни остались в сферах теории, а так как там завёлся строгий присмотр, то поневоле и теории стали прилаживать к осадному положению. Другие, перейдя в практику, стали прямо ренегатами; но это явление общее во всех неудавшихся поколениях, и несправедливо было бы укорять им наше.

Как бы то ни было, был тот великий выигрыш, что дальнейшее пребывание в отвлечённости стало несовместно с званием честного человека и что после долгого блуждания по пустыне теории русское общество устремилось наконец на единственный путь, могущий вывести из неё, путь решительного заявления жизненных практических требований.

Чтобы понять, как это было важно, достаточно указать одно обстоятельство: при всей ширине (в сущности — неопределённости) нашего теоретического отрицания, мы были бы начисто одурачены, если бы у правительства хватило хоть¹⁹ сколько смысла, сколько хватило его у прусских реакционеров 1850 года и у австрийских 1866²⁰. Только его непроходимая глупость помешала ему октроировать²¹ в 60-х годах конституцию на прусско-австрийский образец, которая сделала бы надолго невозможным действительное избавление²². Конечно, не мы могли бы тогда помешать ей, потому что наша невинная пальба хватала далеко через цель. Если теперь октроированная конституция стала совершенной невозможностью, если она не может теперь рассчитывать даже на минутный эффект, то это вполне заслуга того поколения, первым представителем которого явился Каракозов. Благодаря ему, монархия поставлена в такое положение, что держаться может только осадным положением; удобного и почетного выхода в октроированную конституцию не имеет и из осадного положения может выйти только полным отречением. Она сама сожгла свои корабли, обезличив, обезчеловечив массу общества, которая поэтому не может дать ей в себе точку опоры. Хамское, в детстве зашибленное, это общество присутствует в качестве декорации при всех переменных. Оно смиренно и молча присутствовало при душегубствах и нахальнейшей тирании, какую видел мир со времени римских Калигулы и Неронов. Оно же бездеятельно (как свидетельствуют сами правительственные органы) смотрит на последнюю решительную²³ борьбу республиканцев против абсолютизма. Сегодня оно содрогается от покушений. Удайся завтра одно из них, оно упадёт перед ним на колени и опять возблагодарит творца на явное чудо.

Двадцать пять лет тому назад мы не могли себе даже представить конца существующего порядка иначе, как посредством какого-то фантастического дела *ex machina*²⁴, какого-то катаклизма природы, взрыва чернозёмной силы. Вера в этот грядущий катаклизм была необходимым догматом нашего политического катехизиса;

она только и поддерживала нас, как вера в скорое светопредставление²⁵ первых христианских мучеников. Кто терял эту веру, тот на другой же день поступал в земство или III отделение или в Западный край. Но прошло время, когда для сохранения этой веры во «второе пришествие» стала требоваться такая же слепота, какая теперь требуется для веры в дальнейших самодержцев, в дальнейшее существование империи.

Конечно, в физическую силу нельзя не верить, потому что она слишком сильно даёт чувствовать себя, и мы знаем, что Тиберий и Наполеон III держались по 20 лет. Но и того нельзя отрицать, что физическая сила уступает другой, более могущественной, и что порядок, основанный только на ней, обречен на гибель, как скоро явится против него большая сила.

Так или иначе, империя погибла, та империя, о которой сам Тиберий говорил: «Вы не знаете, что это за зверь», *qualis bellua*²⁶.

Мы-то очень хорошо знаем. Римская империя, державшаяся только казнями, просуществовала столетия, потому что вне её были только варвары. И русская империя просуществовала бы виселицами столетия, если бы её соседями были только китайцы, которые уже грозят ей в Кульдже²⁷, как Риму грозили варвары на Дунае. Но так как у нее есть другие соседи, то так или иначе, дни её сочтены. Если может быть сомнителен исход борьбы её с внутренними представителями цивилизации, свободы и человечности, то несомненна в случае её победы над ними её гибель от тех же начал вне русской нации.

Ради спасения чести и независимости этой нации, ради сохранения миллионов жизней будущих поколений, наших детей и внуков, мы, люди 60-х годов, много ошибавшиеся, но много и перенёвшие, приветствуем усилия нового поколения в чаянии увидеть искупление. Если же им не суждено успеха, то лучше и нам умереть с ними, потому что их гибель будет гибелью родины, которая канет в вечность как какое-нибудь царство Гуннское или Аварское.

Пусть же тиран торжествует свой юбилей, насколько подлый страх позволяет ему торжествовать! Во всяком случае, это последнее торжество русской империи, и фейерверки его служат знаменем её взрыва и уничтожения.

V. 3.

РГАСПИ. Ф. 262. Оп. 1. Д. 4. Л. 1–6 об. Подлинник. Рукописный текст.

Примечания

1. Цит. по: «России, которую я знала и любила, нет больше на свете»: материалы и документы о В.И. Засулич. 1917–1931 гг./Публ. подгот. Т. А. Богданова// Исторический архив. 2007. № 6. С. 73.
2. Воспоминания Веры Засулич об отдельных эпизодах её жизни были опубликованы Львом Дейчем. См.: Засулич В. И. Воспоминания. М. 1931.
3. Фроленко М. Из воспоминаний о Вере Ивановне Засулич//Каторга и ссылка. 1924. № 10. С. 246.
4. Причина, по которой статья осталась неопубликованной, нам не известна.
5. «Ecrasez l'infame!» (фр.) — «Уничтожьте подлую!» (вариант: «Раздавите гадину!»). Выражение Вольтера.
6. Засулич В. И. Террористическое движение в России//Засулич В. И. Избранные произведения. М. 1983. С. 377.
7. Там же. С. 380.
8. Большевики в большевистской России:

1918–1924 гг. Большевики в 1919–1920 гг. М. 2000. С. 338.

9. «России, которую я знала и любила, нет больше на свете». С. 63.

10. Молох — имя божества, которому ханааняне, согласно библейскому преданию, приносили человеческие жертвы. Символ жестокой и нерассуждающей силы, требующей огромных жертв.

11. На территории Петропавловской крепости в Санкт-Петербурге располагается усыпальница членов российского императорского дома.

12. Имеется в виду текст Манифеста о восторжении Александра II на престол от 18 февраля 1855 г. Под прабабкой подразумевается императрица Екатерина II.

13. Шешковский Степан Иванович (1719–1794) обер-секретарь Тайной экспедиции при Екатерине II и её доверенное лицо. Современниками был прозван «великим инквизитором России», «кнутобоем».

14. Здесь имеется в виду восстание

1863–1864 гг. в Царстве Польском.

15. Главный персонаж повести И. С. Тургенева «Рудин» (1856).

16. Слово «массы» вписано над строкой вместо зачёркнутого «толпы».

17. Гармодий и Аристокитон — афинские юноши, убившие в 514 г. до н. э.

18. Дагомей — государство в Западной Африке, существовавшее в XVII–XIX вв. Считается, что дагомейские правители ежегодно приносили многочисленные жертвоприношения рабов или пленных для укрепления своей власти. Когда умирал царь, то в жертву одновременно приносилось несколько тысяч человек.

19. Слово вписано над строкой.

20. В 1850 г. король Пруссии Фридрих Вильгельм IV издал первую конституцию Пруссии, согласно которой, законодательная власть стала принадлежать двухпалатному парламенту, однако король полностью

сохранил за собой исполнительную власть. В 1867 г. в австрийской части Австро-Венгерской империи также вступила в силу конституция, по которой, наряду с рядом демократических начинаний, сохранялись монархия, крупное землевладение, привилегии аристократам.

21. Октроировать — предоставлять формальные преимущества или права части населения или организации.

22. Слово «избавление» вписано над строкой вместо зачёркнутого «прогресс».

23. Далее зачёркнуто «минуту».

24. *Deus ex machina* (от лат. «бог из машины») — выражение, означающее неожиданную, не вытекающую из хода событий развязку той или иной ситуации с привлечением внешнего фактора.

25. Так у автора. Правильно — светопредставление.

26. *qualis bellua* (лат.) — какой зверь.

27. Кульджа — город на северо-западе Китая.